

Когда распахнулась деревянная дверь сельского кооперативного магазина, на притолоке звякнул медный колокольчик.

Лин Цэ остановился на пороге и окинул взглядом помещение. Вдоль глиняных стен полукругом выстроились стеллажи. За стеклянной витриной аккуратными рядами были разложены товары первой необходимости: мыло, спички, соль. На самой дальней полке висели отрезки яркой ткани, у которых уже толпились две пожилые женщины с корзинами, что-то оживленно выбирая.

— Лин-чжицин? Ты как здесь оказался? — продавщица, дальняя племянница секретаря коммуны, узнала его и приветливо улыбнулась. — Пришел за покупками или получаешь что-то для бригады?

— Куплю кое-что для себя, — Лин Цэ подошел к прилавку и слегка постучал пальцами по стеклу. Его взгляд упал на угол витрины, где лежали пучки красных лент для волос — толстые и тонкие. Самые изящные из них были обернуты прозрачным целлофаном и поблескивали в скудном свете.

Он вспомнил волосы Су Вань. Несколько дней назад, когда он помогал ей разбирать бухгалтерские книги, заметил, что она до сих пор носит старую, выцветшую красную ленту. Концы ее обтрепались, она постоянно сползала, и Су Вань приходилось тайком подкалывать ее булавкой.

Однажды он видел, как она, глядя в зеркало, сняла эту ленту, погладила ее, а затем с какой-то щемящей осторожностью повязала обратно. В глубине ее глаз тогда затаилось едва уловимое разочарование.

— Товарищ, будьте добры, дайте мне самую тонкую красную ленту, — Лин Цэ указал на пучок и добавил: — И еще маленький пакет фруктовых леденцов, тех, что в цветных обертках.

Продавщица кивнула, достала ленту и сладости, выложив их на стекло.

— Лента — две фэней, леденцы — пять. Всего семь фэней.

Лин Цэ выудил из потайного кармана небольшой тканевый мешочек. Там лежали деньги, заработанные ими с одноруким Чжаном на продаже зайцев: аккуратно сложенные купюры и мелочь.

Он отсчитал семь фэней, забрал покупку. Ленту бережно намотал на палец, а леденцы спрятал в самый низ мешочка, боясь помять обертку — если Туаньцзы увидит, что она испорчена, расстроится.

— Ого, это для Су Вань и Туаньцзы? Ты становишься прямо-таки образцовым семьянином, —

раздался в голове насмешливый голос системы 7576. — Раньше ты даже не знал, что они любят. Я просмотрел твои прошлые записи: в десятках предыдущих циклов ты никогда ничего им не покупал. В лучшем случае изредка подбрасывал остатки грубого зерна.

Лин Цэ пропустил подколку мимо ушей, продолжая поглаживать ленту на пальце. Она была мягкой и гладкой, как деревянный гребень, которым обычно расчесывалась Су Вань.

Он вспомнил их первую встречу: тогда у Су Вань были заплетены две косы, перевязанные точно такими же лентами. Они красиво покачивались на солнце, но потом настали тяжелые времена, и она больше не могла позволить себе обновок.

Когда он вышел из магазина, ветер стал теплее, уже не обжигая лицо холодом. Лин Цэ спрятал мешочек за пазуху и зашагал к деревне.

Проходя мимо старой софоры у въезда, он увидел деревенских детей, играющих вокруг деревца. Один из них держал в руках фруктовый леденец, и остальные с завистью кружили вокруг него.

Лин Цэ невольно улыбнулся: Туаньцзы наверняка обрадуется не меньше.

В прошлый раз, когда они продали дичь и купили муку, Су Вань приготовила паровые булочки. Туаньцзы пожалела их есть и настаивала, чтобы мама разделила одну на три части: папе, маме и ей. В итоге им с Су Вань пришлось украдкой подсунуть свою долю обратно малышке, чтобы та поела.

Такому рассудительному ребенку давно пора было купить что-то сладкое.

Дома было тихо. Лин Цэ толкнул калитку и увидел Су Вань: она сидела на низенькой скамейке и чинила одежду Туаньцзы. Солнечный свет падал на нее, окрашивая волосы в мягкий золотистый цвет.

Туаньцзы лежала рядом на траве, гоняясь с травинкой за бабочкой, и смеялась, словно звенели серебряные колокольчики.

— Папа! Ты вернулся! — заметив Лин Цэ, девочка бросила травинку, на коротких ножках подбежала к нему и уткнулась головой в грудь. — Папа, ты был в коммуне? Видел там что-нибудь красивое?

Лин Цэ наклонился, подхватил дочку на руки, чмокнул в щеку, достал из-за пазухи мешочек и вынул леденцы:

— Смотри, что папа тебе купил.

Глаза Туаньцзы вспыхнули. Она указала пальчиком на сладости, и в ее голосе послышалось дрожание:

— Конфета! Фруктовая конфета!

Она осторожно взяла леденец, вертя в руках яркую обертку и не решаясь развернуть.

— Папа, это мне?

— Тебе, — Лин Цэ улыбнулся и помог развернуть фантик. В воздухе разлился сладкий фруктовый аромат. — Попробуй, вкусная?

Туаньцзы положила конфету в рот, зажмурилась и расплылась в довольной улыбке. Погодя она вытащила леденец и поднесла к губам отца:

— Папа, тоже ешь, очень сладко.

У Лин Цэ сжалось сердце. Он покачал головой:

— Ешь, Туаньцзы, папа не любит сладкое.

— Тогда маме! — девочка протянула конфету Су Вань с полным ожиданием лицом. — Мама, попробуй, очень сладко!

Су Вань отложила шитье, посмотрела на протянутую конфету, затем на Лин Цэ, и ее глаза медленно наполнились влагой. Она взяла леденец и откусила крошечный кусочек. Сладкий вкус растаял во рту — это было слаще, чем любая вода с сахаром, которую она пробовала в детстве.

За все годы их совместной жизни Лин Цэ впервые купил ей что-то, пусть даже это была всего лишь маленькая конфета, но от этого на душе стало невыносимо тепло.

Лин Цэ, заметив покрасневшие глаза жены, развязал ленту на своем пальце, подошел к ней и присел на корточки:

— Это тебе.

Су Вань уставилась на красную ленту, и ее зрачки расширились. Она была ярко-алой, именно такой, какую она давно хотела.

Она протянула руку и кончиками пальцев коснулась ткани, словно боясь, что та рассыплется.

Голос ее дрогнул:

— Это... мне?

— Да, — Лин Цэ кивнул. Он осторожно взял ее волосы, развязал старую ленту — выцветшую, перетертую и сшитую посередине нитками.

Он обернул новую ленту вокруг кончиков ее волос и бережно завязал бантик, двигаясь так нежно, словно касался величайшего сокровища.

— Видел, что твоя лента совсем износилась, вот и купил новую.

Су Вань коснулась бантика на кончике косы. Лента была гладкой и теплой, она приятно ощущалась на волосах. Она встала и быстро подошла к медной раме зеркала — той самой, что была в ее приданом. Зеркало уже помутнело, но красный бантик был отчетливо виден, он покачивался на солнце, и Су Вань невольно улыбнулась.

— Мама, ты такая красивая! — Туаньцзы вбежала в комнату, дергая мать за подол. — Как невеста, которую мы видели на праздник!

Су Вань рассмеялась, но слезы все же покатались по щекам. Она поспешно вытерла их рукавом, повернулась к Лин Цэ и мягко произнесла:

— Спасибо тебе, А-Цэ.

Она впервые сказала это так искренне: без опаски, без страха, с неподдельной благодарностью и нежностью.

Лин Цэ смотрел на ее улыбку, и его сердце наполнилось до краев.

— Чего стоишь? — Су Вань подошла к нему и потянула за рукав. — Идем в дом, я оставила тебе кашу из батата, она еще теплая. Туаньцзы, хватит мучить папу, иди мой руки, будем ужинать.

Туаньцзы откликнулась и, держа Лин Цэ за руку, потянула его в комнату.

Лин Цэ вошел в теплое жилище, ведомый женой и дочерью. В воздухе витал аромат бататовой каши, в ушах звенел их смех, и внезапно он ощутил чувство принадлежности, которого у него никогда не было прежде.

Он понимал: эта лента и горсть леденцов — лишь малая часть того, чем он может отплатить этой семье. В будущем он купит Су Вань еще более красивую ткань, а Туаньцзы — еще больше

сладостей. Он сделает этот дом теплым и уютным.

Солнечный свет пробивался сквозь оконную решетку, ложась на троих людей в комнате и сплетая их тени в одну длинную, неразрывную линию.

— Уровень счастья Су Вань достиг 95 баллов, Туаныцзы — 98! Оценка «позитивной коррекции» мира остается в силе, от главной системы предупреждений нет! — голос системы 7576 звучал с нескрываемым удовлетворением. — Лин Цэ, у тебя получилось. Ты действительно вдохнул жизнь в этот проклятый сюжет.

<http://bllate.org/book/18630/1793907>